

Екатерина Островская не просто выдумывает и записывает детективные истории. Она обладает редкой способностью создавать на страницах своих книг целые миры — завораживающие, таинственные, манящие, но будто бы чуточку ненастоящие. И эта невсамделишность идет произведениям только на пользу... А еще все книги Островской нравятся мне потому, что всю полноту власти над собственными выдуманными мирами Екатерина использует для восстановления справедливости наяву.

Новый детектив «Два раза в одну реку» Екатерины Островской получился захватывающим. Это настоящий триллер, подкупающий сложностью загадок, бешеным темпом погонь и плотностью перестрелок. Книга держит в напряжении от первой и до последней страницы. Происходящие события страшны и грандиозны, действие разворачивается в прошлом и настоящем, а сюжет выписывает один головокружительный вираж за другим, и героям приходится молниеносно подстраиваться под быстро изменяющийся сюжет.

Запутанная и стремительная история, словно горка в аквапарке, подхватывает, кружит и стремглав уносит куда-то! Остается наслаждаться скоростью и брызгами в лицо: душа уходит в пятки и хочется визжать от восторга.

Из романа в роман Островская доходчивым и простым языком через захватывающее приключение доказывает нам, что порядочность, отвага, честность и любовь всегда победят ненависть, подлость, злобу и алчность. Но победа легкой не будет — за нее придется побороться! Героям Островской — самым обыкновенным, зачастую невзрачным, на первый взгляд ничем не примечательным людям — приходится сражаться за свою жизнь, преследовать опасного преступника, а потом героически, зачастую на краю гибели, давать последний бой в логове врага без видимых шансов на успех и... брать верх, одерживая полную победу. «И в этой пытке многократной рождается клинок булатный»: закаляется характер, простые люди становятся сильными, бесстрашными и по-настоящему мужественными героями.

Татьяна Устинова

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1918 год, 30 августа

Парадная дверь была закрыта. Молодой человек в матросском бушлате обернулся к своей спутнице — хрупкой девушке, судя по платью, горничной из небогатого дома.

— Дальше я сам. Поднимусь по черной. Прошу вас, Вера Николаевна, подождать меня во дворе. Постараюсь надолго не задерживаться.

— Я с вами, Алексей Николаевич. Вам даже дверь не откроют. Он — очень осторожный человек.

Вдвоем направились к арке, пересекли небольшой внутренний дворик и вошли в узкую дверь черной лестницы. Поднялись на второй этаж и остановились на неширокой лестничной двухквартирной площадке.

— С Богом! — произнес молодой человек.

Девушка быстро перекрестилась.

Матрос повернул ручку механического звонка и поморщился, когда услышал хриплую трель. Прислушался, пытаясь разобрать звуки за дверью, потом обернулся к девушке и дернул плечом.

— Кто-то там ведь должен быть.

Выглянул в окно и увидел возле двери деревянного сарайчика греющегося на солнце дворника, которого еще минуту назад там не было. Молодой человек вновь повернул ручку звонка. И сразу дверь распахнулась. На пороге с «маузером» в руке стоял матрос в тельняшке, а рядом с ним — парень в пиджаке, надетом на солдатскую гимнастерку.

— Ну и чего вам здесь надо? — поинтересовался матрос с «маузером».

— Да вот хочу с хозяином здешним разобраться, — объяснил молодой человек в бушлате, двигаясь прямо на «маузер». — Контра здесь зашхерилась, если ты не знаешь, братишка. Марусю мою этот гад на работу позвал, чтобы она тут ему приборки делала, а денег не заплатил. Так что хочу с него по полной получить с процентами за эксплуатацию трудового народа.

Он обернулся к девушке и махнул рукой.

— Заходи, Маруся, здесь все свои.

— Здравствуйте, — поздоровалась девушка, переступая через порог.

— Милости просим, — улыбнулся ей парень в пиджаке.

А его приятель в тельняшке покачал головой.

— Ты прежде чем на абордаж кидаться, браток, документ какой предъяви.

Вошедший усмехнулся и показал на свою бескозырку:

— Читать умеешь?

На ленточке значилось название корабля. Позолота букв облетела, но все равно надпись читалась достаточно ясно — «Императрица Мария».

— Первой корабельной роты котельный машинист Иван Шлыков.

— Понял, — кивнул человек с «маузером». — Кочегар, значит. Когда рвануло на вашем корабле, где был?

— Как раз вахту отстоял, зашел в котельную угольную пыль с себя смыть. Первым помылся, на палубу поднялся, где как раз молебен был, и тут как грохнет! Все, которые на вахтах и которые в котельной остались, сразу сгорели. Три сотни человек, считай. А те, кто на молебне стояли, выжили, ну и я заодно.

— Как тут в Бога не поверить! — вздохнул парень в пиджаке и оглянулся на девушку. — В газетах недавно пропечатали, что подняли все-таки ваш линкор.

— Не знаю, — покачал головой котельный машинист, — меня там нет. В Крыму теперь офицерье жирует. А я с января по фронтам, сначала под Новочеркасском, где мы Каледина били. Потом уж в Пятую армию к Сиверсу попал. И под Бахмачом, в самом пекле, я за пулеметом лежал.

— Ваню враги ранили, — негромко произнесла девушка, — очень сильно. Он сначала в харьковском госпитале был, а потом уж сюда приехал...

— Ну да, — подтвердил ее друг, — приехал к Марусе, женится вот думаю. А ее тут всякая контра за человека не считает. Денег не платит, кормиться нечем. Да вы сами взгляните на нее: была человеком, а теперь в ней и трех пудов нет. Так что я сейчас этого гада... Как его, Маруся?

— Камергер Росляков, — тихо подсказала девушка.

— Ша, браток! — неизвестно чему обрадовался человек с «маузером». — Так мы сами этого камергера тут выжидаем. Вчера у него здесь ЧеКа обыск делала. Зашли, как водится, с парадного входа, а он, гад, смылся, видать... Короче, не застали, а может, и в самом деле не было его. Кухарка только, старуха глухая, ничего от нее добиться не могли. Так и она тоже под шумок свинтила. Мы-то уж потом подгрести сюда. Тут как раз ЧеКа работала. А потом уж сам Урицкий прикатил, когда тут золото и брильянты обнаружили.

— Выходит, я опоздал, — вздохнул котельный машинист, — теперь ничего не получу с этого гада.

— Так накормить мы сможем тебя. Мы и коньяк нашли «фин шампань» шустовский — почти целая бутылка осталась. Картошку можно пожарить. А Маруся твоя пусть в вещах пороется. Шуб там, правда, уже нет — вчера чекисты их вывезли, но кое-какое барахлишко найдется.

Матрос с линкора «Императрица Мария» посмотрел на девушку.

— Давай, Маруся, поройся там: может, что и отыщешь себе или для обмена.

Но девушка только покачала головой. В глазах ее стояли слезы.

— Что ж ты, красавица, загрустила? — начал успокаивать ее матрос в тельняшке. — Здесь чужого ничего нет. Все наше, народное. Так что без стеснения забирай, что себе присмотришь. А я потом тоже пороюсь в барахле: может, что для сестрицы своей найду. Отправлю ей в деревню. Пусть там при всем параде как барыня ходит.

Девушка повернулась и молча пошла к выходу. Переступив порог, она закрыла ладонями лицо, чтобы никто не видел, как она плачет.

— Какая чувствительная она у тебя, браток, — с сочувствием произнес матрос и, увидев, что котельный машинист тоже хочет уйти, протянул ему руку. — Держи краба! А красотке своей передай, что скоро мы эту гидру буржуйскую раздавим к чертям собачьим!

Молодой человек с барышней спустились во двор, прошли мимо скучающего немолодого дворника, подставляющего лицо солнцу. Лицо дворника было красным, и по лбу его из-под выгоревшей старой тубетейки скатывалась тонкая струйка пота. Молодые люди уже хотели выйти на улицу, но вдруг девушка остановилась, обернулась и поспешила назад.

Подошла к дворнику и спросила негромко:

— Может быть, вы знаете, где теперь Александр Васильевич Росляков?

Дворник смотрел на нее и улыбался.

— Моя Ахметка зовут. Я недавно здесь... Метелка мети, двор убирай, дверь закрывай...

— У Рослякова еще внук был маленький. Мальчик совсем...

— Моя не понимает, — продолжал улыбаться дворник.

— Внук, — продолжала выпрашивать девушка, — совсем мальчишка.

— Какая мальчишка? Не видела я.

— Простите, — сказала девушка и пошла к выходу. Взяв под руку своего спутника, объяснила ему: — Дворник татарин, ничего не понимает по-русски.

Они миновали арку, вышли на улицу, но не успели сделать и пяти шагов, как их догнал дворник.

— Ведь вы графиня Панина? — тихо спросил он девушку уже безо всякого акцента. — Я — полковник Генерального штаба Голенищев. Вашего батюшку еще по кадетскому корпусу помню. Только мы в разных ротах были. Простите меня за мой спектакль. Росляков сейчас на Фурштадтской. Дом на углу у Таврического сада. Я вчера помог Александру Васильевичу уйти, а теперь жду, когда эти бесы его квартиру освободят. Кое-какие документы там припрятаны... Надо забрать.

Мужчина посмотрел на котельного машиниста.

— И вам, князь, да поможет Бог. Надеюсь, все, что хранил Александр Васильевич, не пропало.

— Пропало, — вздохнула девушка. — Говорят, сам Урицкий приезжал сюда за этим.

— Я видел его, — шепнул «дворник», — только меня близко не подпустили.

И полковник, коротко кивнув, снова исчез в арке.

Девушка посмотрела на своего спутника. А потом обняла его, прижалась.

— Как обидно, — прошептала она, — все зря! Все, Алексей Николаевич. А теперь вы уедете, и я потеряю еще и вас.

— Ничего зря не бывает, — ответил ей молодой человек, — надежда есть всегда. Мы все вернем. И даю слово, что без вас я никуда не уеду.

До Таврического сада шли пешком. А когда переходили Потемкинскую улицу к дому, на который указал полковник, в них едва не врезался велосипедист. Впрочем, велосипедист успел вернуть руль, после чего сам же и упал. Молодой человек в кожаной куртке поднялся с земли, поднял своего железного коня и посмотрел на парочку, глаза его округлились.

— Господин капитан? Добрый день. Вы помните меня? Юнкер Каннегисер. Михайловское артиллерийское училище. Вы после ранения от-

командированы были командовать нашей ротой. Увы, недолго командовали. Но мы потом вас очень тепло вспоминали.

Велосипедист посмотрел на девушку и слегка поклонился ей.

— Вера Николаевна, а вы меня помните? Мы у Гумилевых встречались и у Вячеслава Иванова. Меня туда Осип Мандельштам приводил. А когда Вячеслав Иванович мои стихи очень критично оценил, вы даже заступились...

— Помню, конечно, — улыбнулась девушка. — Вас зовут Леонид. Кстати, Мандельштам мне весной сказал, что в ту трагическую октябрьскую ночь вы собрали юнкеров и пошли защищать дворец...

— Увы, — вздохнул бывший юнкер, — собрал очень мало. Но даже если бы нас было больше, то противостоять орде мы бы не смогли. Ужас, что там творилось! Но вы здесь, вы живы — и это прекрасно!

Разговаривая, они повернули на Фурштадтскую, и спутник графини Паниной спросил:

— Объясните, юнкер, что за куртка на вас? По виду вы — самый настоящий чекист.

— А что делать, господин капитан? Приходится соответствовать. У нас ведь теперь как во Франции при Дантоне и Марате — в хорошей одежде лучше на улицу не выходить. Ограбят — это еще мелочь. У нас в доме лакей был, Корнеем

звали. Так он в декабре, перед сочельником как раз, сбежал. Прихватил серебро, шубу бобровую. Но далеко не ушел. До Литейного только добежал, а там матросня пьяная. Все у него отобрали, раздели, а потом еще и убили. Он двое суток в сугробе пролежал. Наш дворник ходил его опознавать... Я вас не утомил своими речами?

— Мы вообще-то очень спешим, Леонид, — мягко ответила Вера Николаевна.

— Тогда прошу меня извинить. Прощайте.

Каннегисер сел в седло и оттолкнулся ногой от тротуара. Но тут же остановился.

— Вообще-то я хотел предложить вам свою помощь, — вздохнул он, — ну раз так...

Еще раз оттолкнулся ногой и теперь уж поехал, набирая скорость.

— Странная встреча, — шепнула Вера, глядя, как юнкер неумело управляет велосипедом.

— Станных встреч не бывает, — ответил ее спутник, — все, кого Бог посылает нам на пути, что-то да значат для нас. А потому стоило бы поговорить с ним подольше... Но вообще он странный человек. Если не сказать — больной.

— В каком смысле? Выглядит вполне здоровым.

— Он болен той же болезнью, что и князь Феликс Юсупов, что и великий князь Дмитрий Павлович Романов... Если вы понимаете, что я имею в виду. Дело в том, что несколько его однокашники